

RU

Оппозиция разума и веры как основа нового гуманизма
в романе Дж. Барнса «Элизабет Финч»

Мартынов А. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании специфики оппозиции разума и веры как основы нового гуманизма в романе Дж. Барнса «Элизабет Финч». В статье рассматривается экзистенциальный конфликт между рациональным критическим мышлением, выступающим гарантом индивидуальной свободы, и догматической верой, тяготеющей к духовной монополии. Основное содержание составляет анализ светского гуманизма, постулирующего непреходящую ценность исторической памяти, плюрализма и стоицизма. Особое внимание уделено деконструкции религиозных метанарративов и осмыслению философского наследия римского императора Юлиана Отступника как символа утраченной полифоничной цивилизационной альтернативы. Научная новизна исследования заключается в комплексном осмыслении постмодернистской этики романа, где рациональное конструирование личности и ответственное принятие конечности бытия признаются подлинной аутентичностью. В результате установлено, что новый гуманизм в художественной интерпретации Дж. Барнса предстает как практика активного сопротивления догматизму, утверждающая автономию мыслящего субъекта и необходимость глобальной этической кооперации.

EN

Opposition of reason and faith as the basis of a new humanism
in J. Barnes's novel "Elizabeth Finch"

A. A. Martynov

Abstract. The aim of the research is to substantiate the specificity of the opposition between reason and faith as the basis of a new humanism in J. Barnes's novel "Elizabeth Finch". The article examines the existential conflict between rational critical thinking, which acts as a guarantor of individual freedom, and dogmatic faith, which gravitates toward a spiritual monopoly. The main content comprises the analysis of secular humanism, which postulates the enduring value of historical memory, pluralism, and stoicism. Special attention is paid to the deconstruction of religious metanarratives and the comprehension of the philosophical legacy of the Roman Emperor Julian the Apostate as a symbol of a lost, polyphonic civilizational alternative. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive conceptualization of the postmodern ethics of the novel, where the rational construction of personality and the responsible acceptance of the finitude of existence are recognized as genuine authenticity. As a result, it is established that the new humanism in J. Barnes's artistic interpretation appears as a practice of active resistance to dogmatism, asserting the autonomy of the thinking subject and the need for global ethical cooperation.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена пристальным вниманием современной гуманитарной науки к проблеме эволюции гуманистического дискурса в условиях масштабной трансформации философских и социокультурных парадигм XXI в. Вследствие исторической исчерпанности классического антропоцентризма и постструктуралистской деконструкции метанарративов концепция нового гуманизма приобретает особое значение для осмысления обострившегося конфликта между критическим мышлением и догматической верой. Исследование способов художественной репрезентации исходной дихотомии в современной британской прозе на материале романа Дж. Барнса «Элизабет Финч» позволяет выявить ключевые тенденции развития постмодернистской этики и механизмы адаптации рационального познания к реалиям современности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретико-философские основания концепции светского гуманизма и специфику его противостояния религиозному

догматизму; раскрыть механизмы художественной репрезентации конфликта между рациональным познанием и иррациональной верой; охарактеризовать ключевые аспекты нового гуманизма, воплощенные в образах главных героев и исторических символах произведения; определить особенности авторской интерпретации постмодернистской этики и механизмы адаптации гуманистических ценностей к условиям современности.

Материалом для исследования послужил постмодернистский роман Дж. Барнса «Элизабет Финч».

Теоретическую базу исследования составляют труды, посвященные эволюции парадигмы нового гуманизма в современном философском и социокультурном дискурсах (Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002; Гивишвили, 2003; Когай, 2001; Кувакин, 2002; Кудишина, 2007; Kurtz, 2002; Мапельман, 2020). Отдельное внимание уделено переосмыслению коммуникативной рациональности, этики «Другого» и конструирования идентичности в контексте постструктуралистской критики (Батлер, 2022; Деррида, 2000; Левинас, 1998; Лиотар, 1998; Хабермас, 2008), а также трансформации гуманистических ценностей в условиях деколонизации (Саид, 2016). Литературоведческий аспект исследования основан на научных трудах, изучающих структурно-стилистические особенности и частные нарративные типы в современной британской прозе (Меркулова, 2023).

Ключевыми методами стали: сравнительно-исторический, примененный для сопоставления античного эллинизма со светским мировоззрением XXI в., что помогло раскрыть трансформацию конфликта между рациональным скептицизмом и религиозным догматизмом; герменевтико-интерпретационный, послуживший инструментом для глубинного прочтения философских концептов и экзистенциальных мотивов, транслируемых через образы преподавателя Элизабет Финч и императора Юлиана Отступника; интертекстуальный анализ художественного текста, направленный на изучение диалога Дж. Барнса с культурным наследием – от деконструкции христианской агиографии до рецепции идей стоицизма и трудов мыслителей Просвещения в контексте постмодернистской этики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности многоаспектного использования его результатов и собранных материалов в преподавании истории и теории зарубежной литературы XX-XXI вв.

Обсуждение и результаты

Современная гуманитарная наука фиксирует масштабный эпистемологический сдвиг, в результате которого новый гуманизм определяется А. А. Кудишиной как «эволюционирующая культурная парадигма, мировоззренческая система знаний и методов, вбирающая как новейшие, так и проверенные временем и культурой наиболее жизнеспособные ценности и воззрения на человека, общество и мир» (2007, с. 18). Критика и деконструкция метанарративов, осуществленная в трудах Ж.-Ф. Лиотара (1998), выявила методологическую несостоятельность классического антропоцентризма, который на протяжении многих веков маскировал репрессивные механизмы власти под видом универсальных гуманистических истин. Разоблачение устоявшихся иерархических структур привело к осознанию относительности прежде абсолютизированных моральных ценностей. Однако последовавший за этим релятивизм не спровоцировал окончательное уничтожение гуманистической парадигмы; напротив, он послужил катализатором для ее качественной трансформации и адаптации к измененным реалиям современности.

В контексте указанной трансформации среди основных видов нового гуманизма XXI в. именно светский (секулярный) становится наиболее релевантным инструментом для анализа романа Дж. Барнса, что обуславливает пристальное внимание к нему в рамках исследования. Светский гуманизм постулирует необходимость применения строгих научных методов и непрерывной критической рефлексии при решении фундаментальных антропологических проблем, последовательно противопоставляя просвещенный рациональный скептицизм любым формам религиозного догматизма (Kurtz, 2002). В художественном тексте Дж. Барнса указанные теоретические конструкты репрезентируются посредством эстетической парадигмы гуманизма в постмодернистскую эпоху. Осуществляя последовательную деконструкцию наивного эссенциализма предшествующих эпох, писатель тем не менее отстаивает значимость таких категорий, как индивидуальное достоинство, историческая память и неотъемлемая свобода экзистенциального выбора. В архитектонике романа «Элизабет Финч» бинарная оппозиция разума и веры функционирует не исключительно как сюжетообразующий лейтмотив, но выступает концептуальным ядром произведения, детерминирующим выстраивание сложной, многоуровневой системы авторской аргументации. Последовательно раскрывая принципы секулярного мировоззрения, Дж. Барнс подвергает глубокому художественно-философскому анализу экзистенциальный конфликт между полифоничностью эллинского рационального вопрошания и догматическим монизмом иррациональной веры. Писатель экстраполирует это противостояние на обширный спектр наиболее актуальных социокультурных проблем.

Анализируемое произведение структурируется вокруг лекционного курса независимого ученого Элизабет Финч (далее – Э. Ф.), чей аристократический интеллектуальный облик воплощает модель светского гуманизма. Ее преподавательская стратегия основана на отказе от любых форм идеологической монокультуры, которая в исследуемом тексте Барнса предстает синонимом догматической веры и религиозного фанатизма. Центральным конфликтом первой части разворачивается вокруг концепта монотеизма, который Э. Ф. определяет как деструктивную силу, уничтожающую многообразие человеческого бытия: «Монотеизм, – произнесла Элизабет Финч. – Моноمانия. Моногамия. Монотонность. Такое начало слов не сулит ничего хорошего» (Барнс, 2022, с. 27).

В этой изящной, но в то же время беспощадной номинативной цепи автор устанавливает прямую семантическую и психологическую корреляцию между верой в единого бога и деструктивными ментальными

девиациями, потенциально ведущими к интеллектуальному и эмоциональному оскудению социума. Религия в данном контексте трактуется не как животворящий источник этического возвышения, а как жесткий инструмент социального подавления, стремящийся к установлению абсолютной монополии на трансцендентную истину. Монотеизм, как утверждает главная героиня, неизбежно приводит к агрессивной социальной эксклюзии: религия, претендующая на статус единственного легитимного хранителя сакрального знания, объявляет все прочие формы философской мысли ересью. Пагубность стремления к монополии веры эксплицируется через утверждение лектора: «Монополия (настольную игру сейчас не берем), если вовремя ее не пресечь, – это неминуемый крах» (Барнс, 2022, с. 27). По мнению Э. Ф., монополия на духовность вырождается в диктатуру, уничтожающую свободу самоопределения.

Разум же, напротив, устойчиво ассоциируется с плюрализмом, сомнением и безусловным признанием множественности индивидуальных жизненных путей. Новый гуманизм, по мнению Барнса, актуализирует концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса (2008), согласно которой подлинная истина рождается в равноправном аргументированном диалоге, а не спускается свыше в виде неоспоримого божественного откровения. Э. Ф. целенаправленно обучает своих взрослых слушателей не пассивному усвоению готовых энциклопедических фактов, а сложной методологии критического вопрошания: «Мое дело – научить вас рассуждать, аргументировать, самостоятельно мыслить» (Барнс, 2022, с. 29). Рациональный подход к изучению истории и культуры предполагает отказ от телеологического фатализма. Педагогика Э. Ф. строится на деконструкции любых готовых ответов; она требует от студентов формирования аппарата мышления, способного противостоять пропагандистским штампам.

Догматическая вера, лишенная гибкости критического разума, часто требует физического или морального мученичества, полного подчинения телесного и земного существования небесному благу. Подробно рассматривая средневековую легенду о святой Урсуле и одиннадцати тысячах девственниц, Э. Ф. деконструирует христианский агиографический нарратив, демонстрируя его иррациональную, почти патологическую тягу к массовой смерти. Добровольное мученичество ради религиозной идеи квалифицируется ею не как духовный подвиг, а как экстремальная форма инфантильного отказа от личной ответственности за земную жизнь, саркастически определяемая лектором следующим термином – «самоубийство с помощью полицейского» (Барнс, 2022, с. 23). Светский гуманистический разум противопоставляет стремлению к смерти здоровую волю к жизни и мужественное принятие экзистенциальной ответственности за собственное, пусть и несовершенное, бытие.

Христианская модель мученичества, основанная на слепой вере в грядущее посмертное воздаяние, подвергается в романе рациональной деконструкции на протяжении всего повествования. Анализируя не только легенду об Урсуле, но и многочисленные агиографические повествования о раннехристианских святых, Э. Ф. выявляет скрытую природу этого религиозного феномена. Она обращает внимание своих слушателей на то, что некоторые последователи христианства, способные извлечь личную выгоду из учения, целенаправленно выстроили пропагандистскую индустрию, прославляющую физические страдания и смерть. Изображение пронзенного многочисленными стрелами святого Себастьяна, иронически сравниваемого с ежом в личных дневниках героини, выступает примером мрачной эстетики, которую светский гуманизм отвергает как антигуманную: «Св. Себастьян // еж» (Барнс, 2022, с. 83).

Центральным историко-философским концептом романа, олицетворяющим оппозицию разума и веры, выступает трагическая фигура римского императора Юлиана Отступника. Для Э. Ф., а след за ней и для очарованного ею нарратора Нила, Юлиан является величайшим историческим символом безвозвратно утраченной цивилизационной альтернативы. Он воплощает философский принцип, согласно которому государственное управление и личная этика правителя должны базироваться на разуме, толерантности и эллинской полифонии, а не на слепой вере. Барнс конструирует масштабную историософскую модель, в которой военное и идеологическое поражение Юлиана рассматривается как самый катастрофический поворотный пункт всей европейской истории. Император Юлиан предстает на страницах романа истинным героем сопротивления, «стойким оловянным солдатиком» (Барнс, 2022, с. 105), высокообразованным и справедливым лидером, пытавшимся силой разума остановить разрушительную экспансию христианства.

Дискуссия Юлиана с жителями Галилеи основывается на строгой рациональной логике. Он считает христианство системой, лишенной культурной и цивилизационной основы, опирающейся преимущественно на манипуляцию страхом и ничем не подкрепленное обещание иллюзорного посмертного воздаяния. В своем трактате «Против галилеян» Юлиан Отступник утверждает, что христианская доктрина не содержит в себе ничего божественного, но цинично эксплуатирует ту часть человеческой души, которая предрасположена к доверчивому восприятию вымысла: «Не заключая в себе ничего божественного, ... оно придало чудесным выдумкам видимость истины» (Барнс, 2022, с. 117). Так, Барнс восстанавливает систему аргументации философа-правителя, демонстрируя, как холодный аналитический разум выявляет внутренние логические противоречия монотеистической доктрины.

Эллинское античное мировоззрение, страстно защищаемое Юлианом, глубоко гуманистично в своем изначальном онтологическом проявлении: оно безоговорочно признает высшую ценность земной радости, непрерывного интеллектуального поиска и гармонии с окружающим миром. Раннее христианство же, согласно интерпретации Барнса, насильственно внедряет в формирующееся европейское сознание разрушительный культ добровольного страдания, первородного греха и рабского поведения. Знаменитая, хотя и очевидно мифологизированная последующими поколениями, предсмертная фраза Юлиана: «Ты победил, галилеянин бедный, / но серым стал в твоём дыханье мир» (Барнс, 2022, с. 56). Цитата, заимствованная автором

из стихотворения А. Ч. Суинберна, становится эпитафией не только потерпевшему поражение историческому деятелю, но и целой эпохе торжествующего разума.

Писатель посредством рефлексирующего нарратора моделирует альтернативно-исторические события, задаваясь вопросом о том, каким именно мог бы стать современный мир, если бы эллинизм одержал окончательную победу над темным фанатизмом галилейской веры. В этой гипотетической реальности Европа, возможно, избежала бы кровавых столетий религиозных войн, варварского разрушения античных библиотек и чудовищных костров инквизиции: «Представьте себе последние пятнадцать столетий без религиозных войн, а возможно, и без религиозной и даже без расовой нетерпимости. Представьте себе науку, свободную от оков религии. Вообразите торжество разумного начала той жизненной философии, которая сближала большинство эллинов...» (Барнс, 2022, с. 140).

Дж. Барнс демонстрирует, что Юлиан сознательно избегал физического устранения противников, отдавая предпочтение полемике и умеренным ограничениям. Практика, обозначенная в романе как «кроткие» Юлиановы преследования» (Барнс, 2022, с. 123), резко отличается от позднейших репрессивных механизмов, связанных с деятельностью инквизиции. Для авторского понимания нового гуманизма эта особенность имеет принципиальное значение. Рациональное начало несовместимо с насилием, поскольку последнее подменяет аргументацию принуждением. Напротив, догматическая вера нередко стремится утвердить собственную правоту посредством подавления несогласных. В образе Юлиана формируется модель интеллектуальной самостоятельности, исключающая насилие как средство идеологического воздействия: «Убеждать и поучать людей надлежит не кулаками, не оскорблениями и не физическим насилием, а разумными доводами» (Барнс, 2022, с. 122). Этот принцип сохраняет актуальность и в рамках нового гуманизма XXI в., ориентированного на защиту свободы мысли от различных форм идеологического давления.

Композиция романа «Элизабет Финч» объединяет роман-историю, художественное эссе и роман-биографию, что позволяет Барнсу последовательно раскрывать гуманистическую проблематику произведения. Показательно, что «мастерство знаменитого стилиста состоит во включении в каждую часть повествования множества частных нарративных типов» (Меркулова, 2023, с. 56). Особое место занимает вторая часть романа, представляющая собой исследование личности императора Юлиана, подготовленное Нилом в память о своей наставнице. Введение этого квазидокументального фрагмента расширяет границы художественного повествования и подчеркивает значимость исторической рефлексии, благодаря которой современное сознание вступает в диалог с прошлым.

Анализируя посмертную рецепцию образа Юлиана Отступника в европейской культурной традиции, Барнс прослеживает, как менялась парадигма восприятия этой исторической фигуры в зависимости от господствующих эпистем различных исторических периодов. Писатель подробно рассматривает оценки императора в трудах Мишеля де Монтеня, Эдуарда Гиббона и Вольтера, для которых фигура Юлиана служила воплощением просвещенческого идеала правителя-философа, олицетворяющего торжество рационального мышления и религиозной толерантности над фанатизмом. Вольтер, как подчеркивает Барнс, видел в Юлиане блестящего предшественника европейского Просвещения, лидера, обладавшего всеми мыслимыми античными добродетелями без их пороков. Гиббон, в свою очередь, оценивал Юлиана как трагическую, но величественную фигуру, чья попытка реставрации политеизма была обречена на неудачу из-за отсутствия жесткой дисциплины, свойственной христианству. В этом контексте новый гуманизм, разделяемый Дж. Барнсом, выступает наследником просвещенческой интеллектуальной традиции, обогащенным постмодернистским осознанием относительности исторических нарративов.

Значительную роль в романе играет критическое осмысление пророчеств, оракулов и иных форм мистического знания. Барнс с заметной иронией описывает стремление Юлиана заручиться поддержкой богов посредством многочисленных жертвоприношений и обращений к гарусникам и авгурам. Особое внимание уделяется тому обстоятельству, что даже столь образованный правитель не смог полностью выйти за пределы мировоззренческих установок собственной эпохи. Масштабные жертвоприношения и настойчивые поиски знамений накануне персидского похода раскрывают противоречивость античного сознания, пытавшегося совместить философскую рациональность с верой в сверхъестественное. В перспективе нового гуманизма этот эпизод приобретает характер исторического урока: разум оказывается уязвимым, если не опирается на научный подход и критический самоанализ. Светский гуманизм XXI в., впитавший в себя передовые достижения естественных и точных наук, требует очищения мышления от рудиментов магического и мистического сознания.

Оракулы навсегда умолкли, как символически замолчал великий Дельфийский оракул в ответ на отчаянный запрос Юлиана: «Нет приюта для Бога нигде, ни дома, ни крыши, / И пророческий лавр больше в руках не цветет» (Барнс, 2022, с. 169). Молчание оракулов знаменует собой неизбежный переход человечества в фазу экзистенциальной автономии, где каждый индивид вынужден использовать собственный разум и накопленный культурный опыт, выстраивать сложную систему этических и моральных координат, более не упоая на подсказки свыше или божественное вмешательство в ход земных событий.

Не менее существенным для понимания романа является введение Барнсом проблематики социальных и гражданских аспектов нового гуманизма, который постулирует приоритет гражданских свобод и критического осмысления механизмов власти, а также «служит лекарством против нетерпимости, экстремизма и фанатизма» (Гивишвили, 2003, с. 173). Э. Ф. отвергает идею, что чисто технологический или институциональный прогресс влечет за собой моральное совершенствование социума. Рассматривая бурное развитие железнодорожного сообщения в Европе XIX в., она развеивает укоренившийся миф о благотворности технологической экспансии, подчеркивая ее моральную нейтральность: «Многие рассчитывали, что технический

прогресс будет способствовать повышению уровня нравственности; сеть железных дорог его не повысила. <...> Железнодорожный состав может привезти голодающим пропитание; с таким же успехом он незамедлительно доставит на фронт пушки и пушечное мясо...» (Барнс, 2022, с. 48-49). Эта позиция также связана с философскими постулатами светского гуманизма, утверждающего примат экзистенциальных устремлений над утилитарным развитием цивилизации.

Пробужденный разум, в отличие от позитивистской веры в спасительность научного прогресса, требует этической бдительности, поскольку технологические чудеса легко и быстро инструментализируются репрессивными политическими режимами. Критика монокультурности, озвученная Э. Ф., выходит за пределы сугубо религиозного дискурса и масштабно охватывает макроэкономические процессы. Насильственная трансформация самодостаточных поликультурных европейских сообществ в зависимые монокультурные системы рассматривается как мрачное предвесье глобальных гуманитарных катастроф. Этот важнейший аспект романа обнаруживает родство с актуальной парадигмой светского гуманизма, который ориентирован на преодоление рационально-технократической доминанты и «признание ценности кооперации, синергии и экологической зависимости» (Когай, 2001, с. 114).

Э. Ф. предупреждает своих студентов об экзистенциальной опасности утраты диверсификации: «Деревни утрачивали свою самодостаточность. Поэтому, когда виноградники поражала филлоксеры, а пшеничные поля уничтожались гнилью или ураганами, в местности начинался голод» (Барнс, 2022, с. 49). Рациональное секулярное сознание учитывает необходимость сохранения биоразнообразия как главного условия выживания всей системы, в то время как экономическая вера в непогрешимые законы свободного рынка ведет к хрупкости системы. Политическая и идеологическая монокультура, в понимании Э. Ф., столь же антигуманна: «Взять, например, монокультуру наций. Старинные государства Европы и не только: что их определяло? Естественно, расовые и географические особенности; завоевание и империя, а также безумные идеи этнической чистоты и исключительности» (Барнс, 2022, с. 43). Следование разуму, по Барнсу, опровергает идеи расовой чистоты, противопоставляя им синтез знаний и философский космополитизм. Становится очевидным, что «человечество никогда не было и не будет однородным, и потому любые варианты искусственно истребить его внутреннюю сложность... обречены на неудачу» (Мапельман, 2020, с. 15).

Рефлексия над оппозицией разума и веры в тексте романа связана с обращением автора к античному стоицизму, который выступает щитом современного мыслящего субъекта. Э. Ф. воплощает в себе стоический идеал, лишенный следов религиозной экзальтации. Стоицизм репрезентируется в романе как высшая, концентрированная форма реализации рационального начала, позволяющая свободному индивиду сохранить внутреннюю свободу перед лицом надвигающегося экзистенциального абсурда. Базовым текстуальным ориентиром для понимания этой мировоззренческой позиции становится классический фрагмент из трудов Эпиктета, который Э. Ф. диктует замороженным студентам: «Из существующих вещей одни находятся в нашей власти, другие нет» (Барнс, 2022, с. 41). Разграничение сфер объективной реальности требует от личности интеллектуальной честности и морального мужества. Вера в ее традиционном христианском понимании предлагает адептам утешительную иллюзию контроля через молитву или утешение через концепт божественного провидения. Стоический разум, напротив, лишает современного человека привычных «нравственных костылей», предлагая взамен ничем не скованную свободу, основанную на принятии объективной реальности такой, какова она есть. Отсутствие жалости к себе, которое нарратор отмечает в характере своей наставницы, классифицируется автором не как простая психологическая особенность, а как строгая категория: «Жалость к собственной персоне она бы окрестила пошлостью – но только пошлостью моральной, отнюдь не социальной» (Барнс, 2022, с. 41). Таким образом, в рамках парадигмы нового гуманизма жалость к себе тождественна отступлению перед неуправляемым хаосом вселенной.

Новый гуманизм Барнса парадоксальным, на первый взгляд, образом включает в себя концепт притворства (artifice) как верный путь к обретению подлинной личностной аутентичности. Современная постмодернистская мысль, напротив, утверждает конструктивистский характер идентичности вместо неактуального мифа о некой первозданной человеческой природе (Батлер, 2022). Человеческий разум обладает способностью создавать устойчивые смыслы и прекрасные формы там, где природа оставляет энтропию и хаос. Э. Ф. открыто и гордо провозглашает осознанную приверженность притворству: «И знаете что: по ее собственному выражению, ей было порой не чуждо притворство. А притворство, как она любила говорить, не искажает правды» (Барнс, 2022, с. 17).

В исходном контексте притворство понимается писателем как проявление рационального человеческого волеизъявления, как уникальная способность вылепить собственную личность вопреки жесткой биологической детерминации и социальным конвенциям. Религиозная вера апеллирует к изначальной данности (человек как божье творение, отягощенное первородным грехом), в то время как секулярный разум – к бесконечному потенциалу (человек как незавершенный творческий проект самого себя). Истинная аутентичность, по мнению Барнса, достигается не через регрессивное возвращение к природным истокам, а через построение собственной жизни как завершенного произведения искусства. Активный диалог с историческим прошлым, тщательное изучение мировой культуры и цивилизации становятся важнейшими инструментами конструирования личности. Размышляя по поводу специфики актерского ремесла, Э. Ф. замечает: «Так-так, лицедейство, – сказала она. – Лучший пример того, как искусственность рождает достоверность» (Барнс, 2022, с. 32). Разум конструирует форму, которая, будучи искусственной и рукотворной, с течением времени становится единственно возможной истиной. Оппозиция разума и веры проецируется Барнсом в том числе на сферу межличностных отношений; автор разрушает устоявшиеся романтические стереотипы. Новый гуманизм

в трактовке писателя пересматривает концепцию любви, освобождая ее от мифологизации и собственнических инстинктов. В философских беседах со студенткой из Нидерландов Анной нарратор Нил узнает о скрытых воззрениях своей наставницы на природу романтических чувств. Э. Ф. рассматривает любовь не как божественное озарение, а как психофизиологический конструкт, объединяющий базовые телесные и интеллектуальные компоненты: «Любовь – это всегда нечто нутряное и нечто абстрактное. Конечно, мы редко признаем наличие абстрактного – оно слишком глубоко уходит корнями в историю и систему родственных связей. Но именно поэтому любовь – чувство искусственное. <...> А та любовь, которую мы называем романтической, наиболее искусственна. И следовательно, она самая возвышенная и вместе с тем самая разрушительная» (Барнс, 2022, с. 233).

Это неожиданное для героя утверждение вновь возвращает читателя к апологии притворства. Романтическая любовь, уподобляемая религиозной вере, способна лишить его системного мышления и привести к разрушительным иллюзиям: «Нас неумолимо обманывают страсти. Столь же неумолимо обманывает нас разум» (Барнс, 2022, с. 35). Из этого следует, что даже тренированный академический разум не всегда способен вовремя осознать глубоко внедренный социальный конструкт и принять его как эстетический и этический факт, значительно снизив уровень душевных ран. В размышлениях о моногамии Э. Ф. сравнивает ее с религиозной ортодоксией, навязывающей индивиду невыполнимые аскетические требования: «Принудительная моногамия – это примерно то же самое, что принудительное счастье, которое, как мы знаем, невозможно» (Барнс, 2022, с. 27-28). Принудительное счастье, равно как и принудительная вера, является очевидным оксюмороном для зрелого гуманистического сознания, ценящего прежде всего свободу выбора и неотъемлемое право на частную ошибку в процессе поиска жизненного пути.

Помимо сугубо историософских и психологических аспектов, репрезентация нового гуманизма в романе охватывает проблематику коллективной вины и исторической ответственности, что также коррелирует с положениями светского гуманизма. Рациональный анализ скрытых механизмов исторического насилия требует преодоления защитных барьеров субъекта. В анализируемом романе этот конфликт обостряется в сцене столкновения Э. Ф. со студентом Джеффом по поводу необходимости непредвзятого изучения «Застольных бесед Гитлера». На возмущение студента, чей отец трагически погиб на войне, Э. Ф. отвечает стоически: «Я предлагаю, чтобы мы знакомились и с теми источниками, в которых разделяется наша точка зрения, и с теми, которые ей противоречат... Знай врага своего – это простое и непреложное правило <...> “Эти чудовища объясняют нам историю”» (Барнс, 2022, с. 51). Так, основанное на личной травме отрицание объективного исторического знания приравнивается писателем к слепой вере, которая блокирует способность разума анализировать корни тоталитарного зла. Настоящий, лишенный сентиментальности гуманизм, по мнению Барнса, не может игнорировать изучение антигуманистических феноменов. Пренебрежение катастрофами под предлогом защиты моральной чистоты может привести к повторению трагедий. Э. Ф., чья семья пострадала во времена Холокоста, становится воплощением светского гуманизма: она отказывается от личной боли ради достижения объективного понимания истории и окружающей действительности.

Тема исторической ответственности продолжается в конфликте Нила и Анны вокруг проблемы колониального прошлого и института рабства. В их споре сталкиваются две этические парадигмы: Анна транслирует позицию индивидуалистического изоляционизма, отказываясь принимать на себя бремя коллективной исторической вины за преступные действия Нидерландской империи: «Я не ощущаю и не несу ответственности за то, что творили выходцы из моей страны – солдаты и торговцы – за многие века до моего появления на свет» (Барнс, 2022, с. 61). Нил же, усваивающий уроки Э. Ф., интуитивно тяготеет к модели глобальной этической кооперации, которая выступает одним из императивов светского гуманизма (Кувакин, 2002). Рациональное осмысление истории не позволяет нарратору полностью отделиться от социокультурного контекста упомянутой нации.

Новый гуманизм подразумевает, что осознанное признание исторической вины не есть акт самоуничтожения, но является необходимым шагом к преодолению последствий векового угнетения и формированию эмансипированного общества. Научный контекст диктует необходимость переосмысления гуманистических ценностей, что предполагает их трансформацию посредством интеграции в социокультурное пространство деколонизированного мира (Саид, 2016). Отказ Анны от ответственности демонстрирует ограниченность субъективной, не опирающейся на исторический анализ позиции. Разум, в отличие от животного инстинкта самосохранения, диктует необходимость работы с травматической памятью, что совпадает с целями светского гуманизма, ориентированного на достижение всеобщего планетарного консенсуса через преодоление межнациональных и межкультурных противоречий (Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2002).

Эпистемологическая сложность нового гуманизма иллюстрируется в романе посредством проблематики биографического жанра и пределов познаваемости другого индивида. Попытки Нила реконструировать жизненный путь Э. Ф. после ее внезапной смерти неизбежно наталкиваются на непередаваемость чужого экзистенциального опыта в стройный линейный нарратив. Постструктуралистская философия доказала, что человеческая субъективность децентрирована и не поддается смысловой фиксации (Деррида, 2000). Нил с горечью осознает тщетность своих биографических изысканий, признавая, что традиционная биография сродни религиозной агиографии – она сглаживает жизненные противоречия и подгоняет реальные факты под заданную схему: «Зачастую поражаюсь, как биографам удается слепить достоверное, теплое, связанное жизнеописание из случайных, противоречивых, а то и вовсе отсутствующих фактов» (Барнс, 2022, с. 188).

Сознательный отказ Нила от создания биографии в пользу бережного сохранения разрозненных свидетельств (записных книжек, обрывков лекций, маргиналий в прочитанных книгах) становится у Барнса актом

уважения к свободе человека. В этом жесте проявляется этический поворот нового гуманизма, базирующийся на идеях Э. Левинаса (1998) об инаковости «лица Другого», не сводимого к утилитарным объектным характеристикам. Рациональное принятие границ собственного познания духовно сближает Нила с его покойной наставницей. Он навсегда отказывается от утешительной веры в то, что способен полностью понять Э. Ф., и выбирает трудный путь признания неразрешимой тайны ее личности: «Из существующих вещей одни находятся в нашей власти, другие нет. Эта вещь более не в моей власти и потому не сможет стать мне помехой на пути к свободе и счастью» (Барнс, 2022, с. 252).

Заключительный аспект оппозиции разума и веры раскрывается в отношении Барнса к конечности человеческого бытия и неизбежности смерти, являющейся камнем преткновения для любой идеологической или религиозной системы. Э. Ф. демонстрирует исключительно рациональное отношение к собственной смертности. Ее предсмертная позиция, зафиксированная в дневнике, вычеркивает упования на посмертное существование в раю или мистическое воссоединение душ. Узнав о неизлечимом онкологическом заболевании, она обращается к своему лечащему врачу с просьбой об эвтаназии, руководствуясь стремлением избежать нецелесообразных, унижающих человеческое достоинство физиологических страданий: «Попросила своего лечащего врача, чтобы он, когда надежды не останется и боль станет нестерпимой, применил ко мне эвтаназию» (Барнс, 2022, с. 92). Этот акт, будучи проявлением индивидуальной воли и свободы, демонстрирует торжество стоического разума над инстинктивным страхом смерти.

В рамках нового гуманизма неотъемлемое право на достойное, контролируемое завершение жизненного пути рассматривается как базовое право человека, логическое продолжение его свободы. Вера, зачастую запрещающая эвтаназию под предлогом неприкосновенности «божьего дара» жизни, в данном контексте предстает как жестокая система, отказывающая мучающемуся индивиду в праве на милосердие и контроль над собственным телом. Спокойное, полное непререкаемого достоинства принятие Э. Ф. неотвратимой участи без патетических жалоб служит доказательством превосходства светского гуманизма, способного обеспечить человеку духовную независимость перед лицом небытия. Физическая смерть, невыносимое страдание и пугающая конечность земного бытия должны быть мужественно осмыслены ясным разумом без использования религиозных метафор. Брату Э. Ф., уже после ее смерти, остается лишь в точности воспроизвести ее предсмертные слова: «Рак, дорогой Кристофер, нравственно нейтрален» (Барнс, 2022, с. 90). Биологическая природа и протекающие в ней физиологические процессы лишены какого-либо нравственного целеполагания; любые попытки веры наделить их скрытым смыслом решительно отвергаются Э. Ф. как проявление недопустимой слабости. Новый гуманизм, почти незримо присутствующий в этой формуле, требует признания законов вселенной и формирования этики, основывающейся на принятии неизбежного конца.

Таким образом, в романе «Элизабет Финч» Дж. Барнс реабилитирует рациональное начало в эпоху постмодернизма. Новый гуманизм в интерпретации автора заключается в понимании того, что критическая рефлексия, неиссякаемая воля к истине и отказ от слепого следования религиозным догмам способны обеспечить сохранение человеческого достоинства в мире, лишенном смысла. Познание мировой истории становится для героев романа формой экзистенциального сопротивления абсурду: «Задача настоящего – исправить наше понимание прошлого. И эта задача становится особенно актуальной, когда прошлое непоправимо» (Барнс, 2022, с. 82), – в этих словах из дневника Э. Ф. зашифрован главный этический императив нового гуманизма: абсолютная ответственность перед безвозвратно ушедшим прошлым есть единственное и непреложное условие осмысленного человеческого существования в неопределенности и забвении.

Заключение

Итак, в ходе исследования были проанализированы теоретические основания концепции светского гуманизма в рамках нового гуманизма XXI в. Подводя итог настоящему исследованию, можно сформулировать нижеследующие выводы.

Анализ теоретико-философских оснований светского гуманизма позволил выявить специфику его противостояния религиозному догматизму. Установлено, что догматическая вера трактуется в романе как монокультура, стремящаяся к духовной монополии и жесткому подавлению инакомыслия. Светский гуманизм, напротив, опираясь на критическую рефлексию и научный подход, сохраняет потенциал для этического обновления общества.

Раскрыты механизмы художественной репрезентации конфликта между разумом и верой. Оппозиция этих концептов определяет не только идейное содержание произведения, но и его полифоническую жанрово-композиционную структуру, что позволяет автору произведения деконструировать устоявшиеся религиозные сюжеты.

Охарактеризованы ключевые аспекты нового гуманизма сквозь призму образов Элизабет Финч и Юлиана Отступника. Рассмотрение проблем исторической ответственности, стоического принятия объективной реальности и конструирования личностной идентичности (через концепт осознанного «притворства») доказывает формирование в тексте гуманистической модели, базирующейся на независимости мышления и бесстрашии перед феноменом биологической смерти.

Определена специфика постмодернистской этики Дж. Барнса. Писатель освобождает гуманистическую традицию от эссенциалистских иллюзий и телеологического фатализма, но отстаивает право субъекта на достоинство и свободу выбора. Критическое осмысление прошлого, отказ от морального релятивизма и осознание личной ответственности становятся главными механизмами продуктивной адаптации гуманистических ценностей к проблемам окружающей их действительности.

Дальнейшее изучение проблемы представляется перспективным в контексте анализа художественных моделей нового гуманизма в современной британской литературе, в том числе в произведениях других авторов, обращающихся к вопросам соотношения разума и веры (И. Макьюэн, С. Рушди). Кроме того, интерес представляет исследование влияния социокультурных процессов эпохи постмодерна на трансформацию гуманистического дискурса в интеллектуальном и биографическом романе.

Материалы исследования | Research materials

1. Барнс Дж. Элизабет Финч / пер. с англ. Е. Петровой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022.

Источники | References

1. Батлер Д. Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. М.: V-A-C Press; Фонд V-A-C, 2022.
2. Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Ноосферный гуманизм // Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Основы современного гуманизма. М.: Российское гуманистическое общество, 2002.
3. Гивишвили Г. В. Гуманизм и гражданское общество. М.: Российское гуманистическое общество, 2003.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
5. Когай Е. А. Гуманизм и ценностные основания экологической культуры // Возможность невозможного: планетарный гуманизм для России и мира: материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 14-18 июня 2000 г.). М.: Российское гуманистическое общество, 2001.
6. Кувакин В. А. Современный гуманизм // Высшее образование в России. 2002. № 4.
7. Кудишина А. А. Современный гуманизм как феномен культуры (философско-культурологический анализ): дисс. ... д. филос. н. М., 2007.
8. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.
10. Мапельман В. М. Гуманизм «старый», «новый» и «новейший» // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2 (34).
11. Меркулова М. Г. Типы нарратива в романе Дж. Барнса «Элизабет Финч» // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. М.: Языки народов мира, 2023.
12. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Изд-е 2-е, испр. и доп. / пер. с англ. и послесловие А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2016.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь Мир, 2008.
14. Kurtz P. A New Approach // Free Inquiry, 2002. № 4.

Информация об авторах | Author information

Мартынов Артем Александрович¹

¹ Московский городской педагогический университет

Artem Aleksandrovich Martynov¹

¹ Moscow City University

¹ martynov_art2m@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.06.2026; опубликовано online (published online): 29.07.2026.

Ключевые слова (keywords): Джулиан Барнс; Элизабет Финч; новый гуманизм; светский гуманизм; гуманистический дискурс; Julian Barnes; Elizabeth Finch; new humanism; secular humanism; humanistic discourse.